

МЕРКАНТИЛИЗМ, ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Дж. МОКИР

*профессор экономики и истории экономического факультета,
Северо-Западный университет, Иллинойс, США*

Перевод с англ. А.А. КУРЫШЕВОЙ

Введение

Экономисты-историки будут упорно настаивать на том, чтобы причислить Эли Хекшера к своему лагерю. Его влиятельная книга «Меркантилизм» обладает всеми признаками истинного историко-экономического труда: опора на ресурсы, логическая аналитическая структура, хороший «нюх» на правильные вопросы и к тому же превосходное «чувство» эпохи. Однако в течение последних десятилетий книгой этой, по всей очевидности, экономисты-историки странным образом пренебрегают¹. Меркантилизм как главная тема европейских институциональных разработок до сих пор не рассматривался в рамках новой институциональной экономики. Можно лишь строить догадки об истинных причинах, но очевидно, что, раз связи между государством и экономикой начинают привлекать внимание этой школы, ее представители обнаружат в этих двух томах кладезь информации и богатство интуиции. Где работа Хекшера получила большее признание – так это среди ученых, изучающих политическую экономию XVIII в., особенно в трудах Экелунда и Толлисона [15, 16] и Рут [76], чей интерес к рентоориентированному поведению неизбежно привел их к Меркантилистическому Государству. Хотя эти ученые не всегда разделяли мнение Хекшера о меркантилизме, они совершенно ясно выказали должное уважение к его работе.

В данной работе моя позиция будет несколько иная, пусть она и перекликается с трудами вышеназванных ученых. Центральным вопросом, на котором я сосредоточусь, выступит не экономическая политика или регулирование как таковое, а долгосрочный экономический рост, набравший полную силу в Европе примерно к тому времени, когда классический меркантилизм перешел в оборонительную позицию и в конечном счете пришел в упадок. Хекшер, разумеется, мимоходом это заметил [31, vol. I, p. 275], так же как и то, что растущее неприятие обязательных ограничений экономической деятельности, если обратиться к средним векам, наиболее остро ощущалось в Англии и послужило, таким образом, причиной Промышленной революции. Но справедливо указать на то, что объяснение Промышленной революции не являлось главной целью автора.

Отмечая это, Хекшер, однако, обнаружил кое-что такое, чем смело пренебрегли последующие экономисты-историки, а именно что причины Промышленной революции вклю-

¹ Из 45 ссылок на работу Хекшера «Меркантилизм» в двух ведущих журналах по экономической истории 35 относятся к периоду до 1971 г. и лишь 4 – после 1980-го. Из 13 цитат из «Меркантилизма» Хекшера в целых секциях J-STOR – экономической и исторической – только 5 работ расцениваются собственно как историко-экономические. Недавно изданная широко критикуемая книга [18], явно затрагивающая сходные проблемы, совсем не содержит ссылок на эту работу.

чают интеллектуальные изменения, т.е. автономные изменения в области того, что люди знали и в истинность чего верили. Недостаточно бездоказательно определять экономические изменения изменением технологий, цен, спроса, населения и физических ограничений: в центре находилось то, в истинность чего люди *верили* – по поводу окружающего мира и в отношении друг друга². Такие системы верований могут обладать свойством самоукрепления и образовывать систему, способную производить множество равновесных состояний, некоторые из которых в большей мере способствуют экономическому прогрессу, чем другие. В этом смысле Промышленная революция может рассматриваться как более «случайная», чем экономисты-историки обычно склонны представлять [50, р. 31–32].

Чтобы понять то, что известно как «Великая Дивергенция» или «Европейское чудо», представляется естественным исследовать интеллектуальные корни экономического прогресса в сравнении с экономическим и социальным. В своих работах [52, 54, 55] я рассматриваю одну совокупность причин, объясняющих, почему интеллектуальные факторы имели значимость наряду со стандартными – факторными доходами и социально-политической средой. В Европе XVIII в. это важнейшее развитие включало движение, которому я дал название «Промышленное Просвещение». Хотя Просвещение составляло множество разнообразных и часто противоположных течений, общая характеристика заключалась в том, что экономического прогресса можно было достичь, изучая естественные явления и закономерности путем сведения их к общим принципам везде, где это возможно, резюмируя их в систематических и доступных формах и применяя то, что изучалось как «полезные искусства» (т.е. производство). Промышленное Просвещение было прочно связано с бэконовским представлением о том, что цель полезного знания – генерировать материальный прогресс человечества, подкрепленным уверенностью в том, что этого можно достичь рациональными средствами.

В данной работе я предлагаю исследовать другой, более тонкий аспект влияния Просвещения на Промышленную революцию, а именно – посредством воздействия его на институты. Не будь изменений институциональной среды в Европе, технологический прогресс, лежащий в основе Промышленной революции, мог бы протекать медленнее и, что более важно, само его наступление могло задержаться (что уже случалось в прошлом) под действием того, что лучше всего было бы обозначить как отрицательная институциональная обратная связь. Отрицательная институциональная обратная связь охватывает политические и социальные изменения, выступающие результатом экономического роста, который идет на спад или даже меняет направление на противоположное. На протяжении большей части истории однозначно наблюдалась тенденция, согласно которой грабители и туеядцы слетались на богатство, извлекаемое из экономического роста, как мухи на мед. Успешные в торговом и промышленном отношении регионы (такие как Северная Италия, Нидерланды, Бельгия и Люксембург) и группы (например, евреи и меннониты с рейнских земель) возбуждали зависть и жадность менее удачливых или не столь обеспеченных ресурсами соседей. Предприимчивость, усердие и изобретательность создавали внутри групп возможности для рентоориентированного поведения субъектов, которые находили политику или насилие более прибыльными, чем усердная работа. Региональный успех, торговый и финансовый, манил сборщиков налогов, пиратов, захватчиков и склонных к банкротству заемщиков. Вместе с тем он порождал, в почти диалектической манере, средства своей собственной гибели. Наиболее явной формой отрицательной институциональной отдачи до 1815 г. стала, несомненно, война³. Часто экономический рост косвенно провоцировал эти конфликты.

² Интересно отметить, что единственный экономист, который может с уверенностью сказать, что он в традициях Хекшера продолжил объединение теории международных отношений и экономической истории, Чарльз Киндлбергер, оценивал интеллектуальные и доктринальные силы как мощный фактор экономических изменений и либерализации (см. [46, 47]).

³ О'Брайен [63] отмечает, что в период между девятилетней войной (начавшейся в 1688 г.) и Венским конгрессом в 1815-м Великобритания и Франция находились на грани войны на протяжении большей его части, чем объясняется выражение «Вторая Столетняя война».

Следовательно, представляется вполне правдоподобным, что, если бы в XVIII в. не изменилось ничего, кроме средств и желания улучшить технологию, процесс экономических изменений натолкнулся бы на серьезные преграды. Более того, как я уже отмечал ранее [54, 56], технологический прогресс сам по себе всегда находится под угрозой натолкнуться на сопротивление групп, настроенных оппозиционно по отношению к инновациям в силу разнообразных причин. За несколькими значительными исключениями, большинство известных личностей эпохи Просвещения были благосклонны к инновациям и противостояли попыткам их запрета посредством политических мер или в результате массовых протестов. Сопротивление новым технологиям не исчезало никогда, но из-за того, что сущность такого институционального сопротивления заключалась в использовании *нерыночных* средств для противодействия закреплению новой технологии, растущая уверенность в пользе контролируемых рынков на Западе XIX в. благоприятствовала инноваторам.

Вследствие сказанного я делаю предположение, что институциональные изменения образовали синергетическое целое с технологическими достижениями. И те, и другие различными способами были инициированы эпохой Просвещения в XVIII в. и заключали в себе значимый интеллектуальный компонент. Без сомнения, можно спорить по поводу степени, в которой интеллектуальные разработки пользуются преимуществом перед «реальными» изменениями, обусловленными факторами предложения и спроса и местными политическими событиями. Экелунд и Толлисон [16, р. 14] отвергают идеологическую причинную связь как такую точку зрения, которая «может выступать в некотором качестве второстепенного, вспомогательного» объяснения. Они понимали, что интеллигенция льстила себя надеждой, что их мысли оказывают влияние на общественную политику, но им не удалось осознать влияние Просвещения на институциональные изменения (фактически, этот термин в их книге не фигурирует). Вместо этого они утверждают, что из-за отсутствия определенной теории формирования идей или роли идеологии они предпочли сосредоточиться на экономической деятельности как основе институциональных изменений. Идеология, утверждают они, это «улыбка без кота». Такая позиция представляется несколько необычной в свете событий, имевших место на Западе в последней четверти XVIII в., в ходе которых две политических революции явились источником глубоких институциональных изменений, впоследствии распространившихся по всему западному миру. Должны ли мы прийти к выводу, что влияние Просвещения на мысль и вытекающую деятельность Мирабо, Сьейеса, Джефферсона, Пэйна, Харденберга и других, а также направляемые ими институциональные изменения в действительности были «улыбкой без кота»? Даже если мы совершенно не в силах осознать причины Просвещения – позиция, которую я однозначно не разделяю, – все еще возможно найти истинное объяснение последующих феноменов⁴.

Институциональный прогресс и Просвещение

Говоря о «технологическом прогрессе», экономисты-историки – пока еще – не высказывают опасений большого числа исполненных благими намерениями, но введенных в заблуждение историков и ученых-социологов, которые чувствуют, что нормативный оттенок слова «прогресс» отдает позитивизмом вигов или хуже того. В то время как технологический прогресс сам по себе не является нейтральным понятием, по крайней мере развитие технологии тяготело к одному направлению. Институциональное изменение – гораздо более тонкий процесс. Лишь некоторые отважились использовать термин «институциональный прогресс». Эффективные рынки могут распадаться так же быстро, как и возникать. Доверие при заключении контрактов и главенство закона, не говоря уже о

⁴ Наблюдение Экелунда и Толлисона, что идеи нужно «продавать», в действительности не ослабляет позиции, которую я здесь отстаиваю. «Продажа» идей может иметь место как результат уговоров и риторики, логического обоснования или влияния фактов, и не обязательно, чтобы им сопутствовали изменения экономической среды. Влияние теории народонаселения Мальтуса, краеугольного камня классической политической экономии и последующей государственной политики – вспомним реформу Закона о бедных 1834 г., – подходящий пример.

мирной обстановке и уважении жизни и собственности, от которых зависит эффективное распределение, не единожды резко обрывались. Некоторые мыслители эпохи Просвещения совершили скачок к представлению о том, что индивиды и социальные институты подчиняются тем же закономерностям, что и природные явления, и что раз эти закономерности изучены, обществом можно управлять и использовать его похожим образом.

Как бы то ни было, воздействие Просвещения на западные экономики превзошло его влияние на полезное знание⁵. При прочих равных условиях, особенности механизмов отрицательной институциональной обратной связи в обществах периода до 1750 г., которые я привел выше, вполне могли бы резко снизить любые социальные выгоды от технологического потенциала. Интересы крупного капитала и погоня за рентой вполне могли – и во многих областях так и произошло – поставить под угрозу непрерывный технологический прогресс. Несомненно, «институциональный прогресс» (определяемый, к примеру, как снижение нормы прибыли от рентоориентированного поведения по сравнению со сферой производительной деятельности или как сокращение суммарных потерь «мертвого груза» в виде упущенных прибылей от торговли или мобильности факторов) носил менее монотонный характер и в гораздо большей степени сталкивался с проблемами и неудачами, чем технологический прогресс. И все же немонотонность не означает отсутствия тенденции. Лишенный полноценного влияния Просвещения, незападный мир в экономическом росте демонстрировал большую уязвимость. Многие области были однозначно способны к росту, но неспособны преодолеть отрицательную институциональную обратную связь и, таким образом, поддержать его. На деле другим территориям оказалось проще заимствовать западные технологии, чем западные институты, и постепенная взаимная эволюция обеих сфер обычно совершенно отсутствовала в незападных экономиках, что вызывало значительную политическую напряженность и массу социальных потрясений.

Как можно понять, «институты» здесь включают формальные правила и соглашения, посредством которых общество организует экономические сделки, а также общепринятые коллективные *убеждения* относительно поведения других, которые систематизируют социальные взаимодействия [26]. В ходе технологических усовершенствований конца XVIII в. и после них происходила борьба по поводу их реализации. Итоги этих схваток невозможно было предугадать. Значимость экономических интересов, вне всякого сомнения, была высока, как, впрочем, и степень убежденности. Логика, последовательность, факты, ссылка на авторитеты – короче говоря, риторика – играли важную роль в возникновении и формировании институтов, которые дали начало материальному прогрессу и поддержали его. Не споря о том, что те или иные институты однозначно «хороши» или «плохи», можно выдвинуть некоторые разумные предположения относительно их воздействия на рост.

Экономическая мысль эпохи Просвещения оказалась во власти растущего осознания того, что экономическая игра не является игрой с нулевой суммой: обмен – это игра с положительной суммой, а перераспределение – с отрицательной⁶. Давид Юм и Адам Смит в Шотландии, указывавшие на ошибочность предпосылки меркантилистов о нулевой сумме, были наиболее красноречивыми и влиятельными представителями этой традиции⁷.

⁵ Более подробно о влиянии Просвещения на технологию см. [52; 54, ch. 2].

⁶ Меркантилисты, по словам сэра Джосаяа Чайлда (1630–1699), придерживались мнения, что «всякая торговля есть своего рода война» [21, р. 346]. Представление о том, что производство и обмен не являются игрой с нулевой суммой, в действительности идет вразрез с интуицией, и постижение этой идеи требует достаточного обоснования и значительных усилий (см. [82, р. 22; 99, р. 327]).

⁷ Понимание Смитом этого вопроса хорошо отражено Натаном Розенбергом [77, р. 560ff], который отмечает, что Смит осознал, что «преследование определенного экономического интереса не обязательно ограничивается экономической сферой. Когда оно распространяется на политическую арену, результатом являются действия, которые скорее приуменьшают экономическое благосостояние общества, нежели увеличивают его... отстаиваемый Смитом конкурентный порядок был институциональным соглашением, характеризуемым отсутствием каких бы то ни было особых привилегий и источников рыночного влияния». Именно в свете этого высказывания следует понимать широко известное возражение Смита против системы ремесленного ученичества, акционерных корпораций и других потенциальных форм рентоориентированного поведения.

Знаменитое утверждение Смита состояло в том, что доктрина, изобретенная монополистическим духом, учила народы тому, что «торговля, между народами и между индивидами, которая по природе должна быть залогом союза и друженности, превратилась в самый верный источник разногласий и вражды» [87, vol. I, p. 519]. Эти взгляды, характерные для эпохи Просвещения, особенно разделялись физиократами, такими как Тюрго, просвещенными мыслителями, выступавшими против монополии, вроде Дидро, и ранними критиками меркантилизма, например Давенантом, Барбоном и Вандерлинтом⁸. Меркантилистическое мышление было основано преимущественно на том представлении, что для того, чтобы одержать победу в заморской конкурентной игре, отечественные производители нуждались в субсидировании, а конкурентов следовало задушить тарифами. Но к 1773 г. Мэттью Боултон известил лорда Уорвика, что производители Бирмингема разгромят своих конкурентов с континента с помощью механизации и «расчленения процесса» (т.е. разделения труда и специализации) [91, p. 212]. Другими словами, конкурентная игра должна быть сыграна на конкурентных и свободных рынках, где производительность – главный контролируемый показатель.

Значение институциональных изменений для последующего роста, таким образом, можно разделить на три широких категории: плохие институты, которые препятствовали эффективному размещению ресурсов и становлению увеличивающегося благосостояния обмена, а также налагали бремя «мертвого груза»; те, которые направляли человеческое творчество, энергию и талант в непроизводительное и, возможно, разрушительное русло; и те, которые создавали препятствия технологическому прогрессу и не стимулировали его. Некоторые формы экономических изменений в большей степени зависели от институционального прогресса, чем другие. Возникновение рынков наличного товара, местных ярмарок, краткосрочных трудовых контрактов и земельной ренты могло происходить без значительной институциональной основы до тех пор, пока обеспечивался минимум закона и порядка. Но технологический прогресс и долгосрочное предложение рискованного капитала, которое его поддерживало, требовали более сложных мер и зачастую затормаживались неполнотой контрактов, слабо определенными правами собственности, недостатками управления, асимметричной информацией и угрозой банкротства. Патентное лицензирование, специфика конкурентоспособного человеческого капитала, проблемы организации деятельности, порожденные дороговизной дополнительного капитала и оборудования длительного пользования, и разделение знания, – все требовало институциональной основы.

Погоня за рентой и институциональный прогресс

Широко известен красноречивый пример погони за рентой, приведенный Адамом Смитом⁹. Все же во многих отношениях «Богатство народов» представляет собой звучную коду многих десятилетий просвещенной мысли, как на Британских островах, так и на континенте¹⁰. Среди наиболее интересных личностей – французы Пьер де Буагильбер и Вин-

⁸ В 1773 г. Тюрго заметил, что «нет такого торговца, который не хотел бы стать единоличным продавцом своего товара... эти глупцы не видят, что эта самая монополия, которую они устанавливают... против своих собственных сограждан, которые, в свою очередь, являются продавцами... при этом такой противовес в виде недовольства и несправедливости... не выгоден ни одной из сторон; это реальная потеря для всей национальной торговли» [28, p. 183–184].

⁹ Люди, живущие на «государственный доход», писал Смит, «сами по себе ничего не производят [и] все до одного существуют за счет производства, осуществляемого трудом других людей. Когда количество их, умножившись, станет излишним, они могут за год потребить такую огромную долю этого производства, что оставшегося не будет хватать для поддержания производительных рабочих... объем производства в следующем году, соответственно, снизится по сравнению с предшествующим...» [87, vol. I, p. 363–364]. В этом знаменитом отрывке выражено многое из того, что было присуще образу мышления эпохи Просвещения, и его влияние на изменения, внесенные в правила экономической игры на Западе, повлекло серьезные последствия.

¹⁰ Доказательство очевидности доводов Смита для французской экономической мысли см. в [27, p. 125–143, 363–378].

сен де Гурне, которые использовали термин *laissez faire* еще до того, как его заимствовали физиократы [40, р. 107–115, 224–225]. Более двусмысленной представляется прочная позиция немецкого эмигранта Бернарда де Мандевилля, хотя его утверждение, что «несчастлив тот народ и ненадежны законы того народа, чье благосостояние зависит от достоинства и совести министров и политиков», стало, по словам Хатчисона [40, р. 124], одним из «самых ранних и чрезвычайно тонких аргументов в пользу рыночной экономики». Имеются также некоторые свидетельства того, что Смит был обязан итальянцу Пьетро Верри [27, р. 278–279]. Просвещенческая мысль в Шотландии, еще задолго до Адама Смита, все в большей степени осознавала природу торговли как игры с положительной суммой: Давид Юм имел в виду именно это, когда в своем знаменитом эссе «О торговой ревности» заметил, что «это невероятно, но каждая отрасль отечественной промышленности должна получать толчок к развитию от других». При этом сам Юм был глубоко признателен своему учителю лорду Генри Кеймсу, который первым разработал теоретическую значимость прав собственности. Почти настолько же влиятельным, как и автор «Богатства народов», был Адам Фергюсон, современник Смита, автор термина «гражданское общество» [19]¹¹.

Центральная идея экономики в эпоху Просвещения состояла в том, что следует позволить рыночным силам распространяться, рентаориентированное поведение и регулирование свести к минимуму, а роль государства ограничить его необходимыми функциями. Эти межгосударственные идеи выдвигались сообществом литераторов, составлявшим сущность европейского Просвещения. В фазе же их реализации проявлялась значительная разница между европейскими обществами. Закрепившиеся интересы и меркантилистические идеи встречали сопротивление, и исход битвы различался от страны к стране, зачастую выступая результатом деятельности личностей, последовательности событий и исторических случайностей.

Необычайное влияние приобрела идея о том, что погоня за рентой, привилегии и трансферты как непроизводительный доход были не только несправедливы, но и пагубны¹². Любая экономическая система – включая европейскую экономику в период Промышленной революции – находится во власти присущей ей структуры стимулов, в особенности возможности получения ренты, так как они не только ведут к неэффективности, но также создают вероятность того, что оппортунистическое поведение уничтожит технологический потенциал сам по себе. Современные экономисты вернулись к этому подходу [3, 4, 16, 58, 85]. Все в большей степени проявлялось понимание того, что погоня за рентой и коррупция представляли собой нечто большее, чем просто досадная помеха или перераспределительный меха-

¹¹ В этой работе Фергюсон явно близок к осуждению рентаориентированного поведения практически на современном языке: «Мы считаем, что люди не могут быть низведены до состояния бедности, если будут непроизводительно использовать деньги, которые будут тратить сами между собой. В действительности люди беднеют... когда поток их дохода приостанавливается или когда их имущество расходуется... пока деньги циркулируют в пределах дома, предметы первой необходимости, которые есть подлинные составляющие богатства, могут быть использованы праздно; функционирование промышленности, где могла бы найти свое место основная масса наемных рабочих, может остановиться, или ею начнут злоупотреблять... мы должны причислять к убыткам каждое имя, которое является лишним в гражданском или военном списке, все те распоряжения людей, которые, располагая состоянием, кормятся за счет доходов других... всех тех, кто по роду занятий принадлежит к категории юристов, медиков или богословов, наряду со всеми учеными, которые не сами, но их учение способствует или улучшает некоторую доходную торговлю». Он, однако, признавал невозможность существования общества идеальной добродетели и что какое-то количество ресурсов должно направляться на такие непроизводительные занятия. И все же в обществе, в котором господствует алчность и тщеславие, «индивид рассматривает свое окружение в свете того, насколько оно может служить цели своего собственного продвижения и получения прибыли» [19, р. 350, 357]. Резкое различие между рентаориентированной деятельностью и производительной формой конкуренции пока еще в полной мере провести нельзя, но ясно, что идея витает в воздухе. Как отмечает Герман [32, р. 189], работа Фергюсона оказала чрезвычайное влияние на континенте, и ею восхищались Гендер, Шиллер и Гегель.

¹² Эмма Ротшильд [81] бросает вызов мнению, что многие из крайне либеральных взглядов берут начало от самого Смита, и доказывает, что они появились в Великобритании уже после смерти Смита.

низм, имеющий лишь вторичное воздействие на общие результаты экономической деятельности. Конечно, коррупция коррупции рознь, и многие случаи взяточничества и получения незаконных доходов можно рассматривать как попытку оградить свободный рынок от тех, чье регулирование привело бы к его исчезновению [76]. Что более важно, погоня за рентой получила гораздо большее распространение, чем коррумпированность: манипулирование формальными (нерыночными) институтами и неформальными обычаями общества перераспределять доход. Это идеально сочетается с «властью закона», когда предполагается, что закон скорее регулирует перераспределение дохода, чем стимулирует рост. В Великобритании 1700 г. поддерживаемые государством монополии, привилегии и запреты, тарифы, правила и постановления, а также другие формы погони за рентой по-прежнему налагали тяжкое бремя. Случай Великобритании – не единственный и не самый худший¹³. Но достижение эффективных результатов экономической деятельности встречало серьезные препятствия в виде постоянных попыток обладающих связями, способностями и ресурсами предпринимателей использовать государство и его аппарат, как и любую другую организацию, таким образом, чтобы направлять ресурсы в нужное им русло. Мыслители эпохи Просвещения понимали, что эти действия уменьшают размер национального дохода, но на континенте ликвидация институтов, которые им способствовали, требовала применения силы со стороны французских революционеров или прусских чиновников, тогда как в Великобритании, это происходило, скажем так, естественным образом, в рамках существующего политического устройства. Реформы, инспирированные Просвещением, снизили возможности рентоориентированного поведения, хотя и не устранили их полностью. На Среднем Востоке, в Индии, Восточной Азии или Африке, однако, непросто найти какие-либо следы таких реформ до тех пор, пока европейцы не наметили путь. Нет фактов, подтверждающих, что накануне Промышленной революции погоня за рентой в Европе представляла в каком-либо отношении менее серьезную проблему, чем в Китае¹⁴. В Китае могло и не быть Просвещения; также там отсутствовал и меркантилизм. Но, в отличие от Китая, на европейских территориях, находившихся под влиянием Просвещения, рентоориентированная деятельность все больше и больше входила в противоречие с идеологией свободного рынка, которую поддерживали многие умы Просвещения. По меньшей мере на протяжении переломного периода он находился в оборонительной позиции. Вот, следовательно, и второй стержневой корень западной исключительности.

Рентоориентированная деятельность, как утверждают Шлейфер и Вишни, подчиняется положительному эффекту масштаба. Отчасти это так потому, что в процесс внедрения институтов и механизмов, создающих ренту, заложены постоянные издержки, а отчасти – потому, что, снижая норму дохода от производительного предпринимательства, погоня за рентой делает относительно более привлекательной собственную доходность. Таким образом, может показаться правдоподобным, что существование рентоориентированного поведения согласуется с ситуацией множественного равновесия – равновесия при высоком доходе, когда рентоориентированное поведение незначительно или отсутствует, и при низком доходе, при котором доходность всех видов деятельности низка, но доход от рентоориентированного поведения сохраняется на уровне, превышающем доход от производительного предпринимательства. Простой подход, предложенный Мёрфи, Шлейфером и Вишни [58], предполагает, что «плохое» равновесие устойчиво и нуж-

¹³ Не все монополии обязательно были неэффективны, плохо управляемы и пагубны для экономики, как показали Карлос и Николас [7], хотя другие оспорили их позицию. И все же опасность искушения в конечном счете рентоориентированной деятельностью была довольно реальна. То же самое справедливо и в отношении ремесленных гильдий, которые, как доказал Элштейн [17], могли на определенном этапе столкнуться с реальной экономической необходимостью организации и передачи полезного знания и тем не менее все в большей степени превращались в технологически реакционную прочную распределительную коалицию. Понимание того, что в отсутствие конкуренции подобные организации незаметно перейдут к рентоориентированной деятельности, даже если это не было их первоначальным намерением, стало огромным вкладом политической экономии в институциональный прогресс, который пережил Запад после эпохи Просвещения.

¹⁴ Действительно, Уонг [97, р. 133] отмечает, что «торговля никогда не эксплуатировалась настолько основательно китайскими правителями, как европейскими».

но довольно существенно изменить норму доходности рентоориентированного поведения относительно его альтернативных издержек, для того чтобы экономика переместилась из одного состояния, при котором велика доля рентоориентированного поведения и которому сопутствует экономическая отсталость, в другое, при котором честные, приносящие общественную выгоду способы заработка для большинства населения доминируют над рентоориентированным поведением¹⁵. Порожденные Просвещением реформы – будь они революционными, как во Франции или Америке, реакционными, как в Пруссии и Австрии, или более постепенными, как в Великобритании, – к середине XIX в. привели к снижению доходности рентоориентированного поведения как экономической деятельности. Правительства прекращали сами спонсировать рентоориентированную деятельность и ослабили неофициальные институты рентоориентированного поведения – начиная с ассоциаций свободных ремесленников и заканчивая пиратами и карманниками.

Во Франции и еще кое-где на континенте революционные события, последовавшие за 1789 г., представляли собой смелую попытку положить конец коррумпированным, неэффективным режимам погони за рентой и внедрения более рациональных экономических институтов, т.е. таких, которые бы максимизировали общественное благосостояние¹⁶. Реформы, проведенные в период после 1789 г., были пропитаны идеями, ассоциирующимися у нас с Просвещением.

Институциональный прогресс, вызванный Просвещением в западном мире, происходил в нескольких направлениях. Одной из областей, где либерализация, свобода входа и деятельности и постепенное размывание исключительных соглашений в пользу все большей и большей опоры на свободные рынки проявились в наибольшей степени, была сфера регулирования торговли зерном – процесс, подробно описанный Перссоном [70]. Мыслители эпохи Просвещения, будь то физиократы или кто-либо другой, питали и стимулировали эти реформы и вопреки упорному сопротивлению внесли вклад в их окончательный триумф. Проблема осложнялась тем, что, как это часто имело место, аргументом в пользу ограничительных мер служило существование некоторых общественных благ, в данном случае – стабильность цен на необходимые средства к существованию и обеспокоенность, порожденная политической нестабильностью и продовольственными бунтами.

Другим направлением либерализации было устранение множества высоких барьеров входа, назначение которых состояло в обеспечении исключительной ренты для инсайдеров. Гильдии находились в ряду первых мишеней революционеров-реформаторов, так же как и монополии. В Великобритании золотой век великих торговых монополий к 1720 г. практически завершился [30], но представление о том, что свободный вход в отрасль или определенный вид деятельности являются естественным правом, получило

¹⁵ Шлейфер и Вишни [85, р. 55], во многом в духе Адама Смита, причисляют к рентоориентированной деятельности всякую государственную службу, военную работу и организованную религию. Такое определение представляется неподходящим, поскольку охватывает слишком много и слишком мало. Рентоориентированное поведение – это деятельность, которая нацелена исключительно на перераспределение и сама по себе либо производит незначительную ценность, либо вообще не производит ценности. Некоторые бюрократы, юристы, солдаты и священники стояли на службе реальным социальным потребностям, таким как национальная оборона или защита прав собственности. Некоторые же талантливые предприниматели усердно работали в рамках государственного бюрократического аппарата и производили некоторые ценности, которые, как оказалось, частный рынок обеспечить не может. Классические примеры – карьеры Марринера Экклза и Мэри Свитцер, свидетельство о которых содержится в двух последних главах книги Хьюгса [38]. Организованная религия также будто бы реагирует на рыночные сигналы, и причислять ее к рентоориентированной деятельности в целом должно казаться несовместимым с представлением о потребительском суверенитете тех, кто предъявляет спрос на эти услуги.

¹⁶ Классическим произведением об институциональном вкладе Французской революции в уничтожение местных привилегий остается работа Розенталя [78]. В своей недавно вышедшей книге Гиллиспи [23, р. 8] указал на то, что мысль эпохи Просвещения, с присущей ей глубоко укоренившейся убежденностью, что человеческие институты должны устанавливаться «естественным путем», сформировала основы надежды на преобразования в первые годы Французской революции.

признание далеко не сразу. Рут [76, р. 157] отметил, что для того, чтобы философская аргументация пользы свободного рынка переросла в государственную политику парламента, потребовалось много времени. Харрис [30, р. 135] указывает на то, что главный барьер входа в структуру акционерных предприятий заключался не столько в необходимости убедить парламент утвердить частный законопроект о слиянии, сколько в том, что для преодоления сопротивления со стороны существующих фирм и интересов крупного капитала требовались деньги¹⁷. К концу XVII в. семена перемен уже упали в почву: в сфере международной торговли поддерживать монополистическую деятельность становилось все труднее и труднее, и представления Локка о естественном праве и личной свободе – предвестники просвещенческой мысли – после 1688 г. уже витали в воздухе, хотя борьба за свободную торговлю продолжалась еще в течение большей части XVIII столетия [68, р. 126–127]. Сам Локк, безусловно, по-прежнему принадлежал к лагерю меркантилистов, но в XVIII в. влияние антимеркантилистических настроений постепенно росло. После Смита долгосрочной тенденцией британской экономической политики стало создание более открытого и конкурентного общества, хотя триумф мысли эпохи Просвещения встретил препятствия в 1780-х и 1790-х гг., когда философы вступили в союз с американскими революционерами и французскими якобинцами. Конец великой монополии Ост-Индской компании был положен изданием двух парламентских актов – 1813 и 1833 гг., ограничение эмиграции искусных ремесленников было устранено в 1824-м, запрет на экспорт машинного оборудования – в 1843-м, а отмена Навигационных актов произошла лишь в 1849 г. – будучи отклоняема в течение многих десятилетий¹⁸.

Рентоориентированная деятельность в Европе старого режима опиралась на концепцию *привилегий*, или санкционированных свобод – законных и основанных на обычаях прав, приобретаемых отдельными группами с целью не допустить других к приобретению такого же статуса в обществе, независимо от их заслуг¹⁹. Такие правила порождали исключительную ренту²⁰. Институты рентоориентированной деятельности приносили выгоды дворянству шпаги Франции, великим торговым монополиям Великобритании, олигархам Объединенных провинций, гильдиям Германии и влиятельной католической церкви в Южной Европе. Главной привилегией в дореволюционной Франции было, конечно, освобождение от налогов, но в стране насчитывалось множество мелких городских должностей вроде «надзирателей за гильдией продавцов устриц, оценщиков сыра и

¹⁷ Широко известен пример Закона о ситце 1700 г. (усиленного в 1721 г.), запретившего ситцепечатание, а позже даже ношение одежды из набивной ситцевой ткани (принят под влиянием лоббистов в легкой шерстяной и шелковой промышленности). По-видимому, можно поспорить с О'Брайеном, Гриффитсом и Хантом [64], что этот вопиющий акт рентоориентированного поведения явился примером британского прагматизма. Возможно, более подходящим примером британского прагматизма может служить та манера, в которой Закон был отменен в 1774 г. по совету Ричарда Аркрайта, изобретателя гребенной прядильной машины.

¹⁸ По общему мнению, ужесточение этих запретов оставляло желать лучшего. Созданный в 1841 г. специальный комитет установил, что экспорт запрещенных машин происходил через главные порты, а не на отдаленных залитых лунным светом пляжах; страховые взносы при таможенных проверках составляли от 30 до 45% в 1825 г., что дает представление о величине социальных издержек этой исключительной политики [42, р. 42–43].

¹⁹ Идея о том, что рентоориентированное поведение лежит в основе институциональных провалов Европы старого режима, была предложена в начале 1980-х гг. Эклундом и Толлисоном в серии статей и книг [14, 15, 16], но фактически экономисты-историки пренебрегли ею.

²⁰ Эпштейн [18, р. 15] указывает на то, что «свободы» или «политические права» были понятиями, определявшими неравенство в социальном и экономическом положении и право на поток доходов, предоставляемое подобными привилегиями. Не всегда просто сказать, были ли монополии того времени все без исключения рентоориентированными институтами или они отчасти представляли собой результат экономии на масштабах производства и других источников «естественных» монополий. Вилль и Джонс [92] отметили, что большинство аргументов, приводимых современными авторами в защиту идеи, что крупные монополии были эффективными организациями, также согласуется с объяснением в рамках рентоориентированной деятельности, но очевидность этого все еще сомнительна [7].

творого и ревизоров потрохов, которые гордились своими ничтожными званиями и упивались своими привилегиями» [83, р. 68].

Возможно, что отрицательное влияние гильдий преувеличено. В Великобритании к началу XVIII в. они уже в значительной степени утратили свою силу, тогда как во Франции выказали удивительную приспособляемость к капиталистическому рынку; при этом «гильдии и регулирующие нормы... создавали зоны солидарности, доверия и долга, в которых семейные и супружеские установки играли важную роль» [75, р. 149]. От правил, регулирующих деятельность гильдий, можно было уклониться, переместив производство в сельскую местность или наняв на работу женщин. Некоторые современные авторы пытаются представить ремесленные гильдии в более благоприятном свете, аргументируя это тем, что в определенных обстоятельствах они, возможно, даже в большей степени способствовали технологическому прогрессу, чем принято считать. Однако Огилви [65] оспаривал эту ревизионистскую трактовку, а Дэйон и Гуино [13] указывали на то, что неотъемлемой характеристикой старого режима являлся конфликт между интересами неизменно консервативного местного крупного капитала и более прогрессивными силами, вдохновляемыми Просвещением²¹. Все прогрессивные мыслители, будь то физиократы, поздние меркантилисты или либералы, испытывали антипатию по отношению к тем, кто пользовался преимуществом политической или социальной власти в целях присвоения большей доли дохода. Тюрго во многих отношениях олицетворяет институциональные аспекты Просвещения. Его идея заключалась в том, что свободная конкуренция должна обеспечиваться, если это необходимо, посредством использования государственного принуждения в качестве средства аргументации необходимости упразднения всех привилегированных организаций, таких как ассоциации, сообщества и союзы²². Ликвидация гильдий занимала в его плане реформирования французской экономики центральное место, и он осознавал, до какой степени гильдии ограничивают мобильность труда [31, vol. I, р. 216–217]. Однако план провалился, главным образом из-за того, что гильдии остро нуждались в сложной системе финансирования из королевской казны при старом режиме²³.

Государство и Промышленная революция

Эпоха, предшествовавшая Промышленной революции, в некоторых областях засвидетельствовала становление мощного государства с гарантированными обязательствами минимальной защиты прав собственности, способного решать проблему неконтролируемости и координационные провалы в обществах, являющихся предшественниками современных [18]. В других сферах становление современного государства протекало более медленно и носило неустойчивый характер²⁴. Среди новых институционалистов широко распространено представление о том, что главным источником

²¹ Французский изобретатель Жак Вокансон, будучи в должности ревизора шелка для Королевства, в 1744 г. пытался пересмотреть носящие довольно ограничительный характер положения муниципального законодательства Лиона [22, р. 416]. Даже в предположительно либеральных Объединенных провинциях уставы, регламентирующие деятельность гильдий в городах, могли защищать общепринятые права и интересы крупного капитала «за счет общих интересов» [68, р. 111].

²² В своем знаменитом «Похвальном слове Гурнэ» Тюрго привел убедительное возражение против монополий или исключительных ограничений любого рода, порядков, которые сегодня мы бы отнесли к рентоориентированному поведению [28, р. 26–29].

²³ В Испании позиции прежде мощных гильдий, или *цехов*, были ослаблены при короле-реформаторе Карлосе III, который в 1777 г. постановил, что все местные гильдии должны принимать ремесленников из других частей Испании с целью ослабить их местные монополии [33, р. 124–126]. Несмотря на направленную против них агрессивную кампанию, инициированную правительством Карлоса, испанская экономика на самом деле не утратила рентоориентированного характера.

²⁴ Экелунд и Толлисон [15] верно указывают на различие между политическими силами, поддерживающими либерализацию рынков труда и теми, что поддерживают либерализацию товарных рынков. Согласно их позиции [15, р. 52–53], суды общего права старались укрепить позиции монополий на рынках готовых изделий, в то же время ослабляя монополии на рынках труда.

неопределенности прав собственности является само государство и что лучшие права собственности и меньшая степень рентоориентированной деятельности имеют место там, где государство в состоянии создать для себя такие ограничения, чтобы стало недопустимым в одностороннем порядке обирать своих собственных граждан. Стандартное объяснение институционалистов, предложенное теми, кого О'Брайен [63, р. 245] назвал «североамериканскими вигами», гласит, что после «славной революции» 1688 г. в Великобритании установился комплекс институтов, которые гарантировали лучшие права собственности, ограждая британцев от произвольных поборов налогов со стороны правительства, защищали свободное предпринимательство и инновационную деятельность, обеспечивали большую определенность при заключении контрактов и сделок и в общем способствовали становлению такого типа экономики, который неуклонно вел к экономическому росту²⁵. Однако сегодня совершенно понятно, каким образом снижение транзакционных издержек и более четкое определение прав собственности способствуют технологическим инновациям. Существует также проблема выбора исследуемого периода: как указывал О'Брайен, оказалось, что институциональные достижения времен гражданской войны в Великобритании (несмотря на благородные попытки Реставрации эпохи Стюартов) в значительной степени необратимы. Однако технологический импульс Промышленной революции не набирал полной силы вплоть до второй половины XVIII в.

Конечно, не только правительство выступало в роли хищника, таковым был любой пират, мошенник, вор-карманник, фальшивомонетчик или разбойник с большой дороги – их рентоориентированное поведение увеличивало транзакционные издержки, снижая чистый предельный продукт капитала и ослабляя стимулы к участию в производительной деятельности. Государство, постепенно присвоив монополию на насильственные меры, со временем затмило все другие потенциальные угрозы росту по Смиту. Страх, что те, чьим призванием было защищать собственность, могли сами превратиться в главную ее угрозу, полностью не ослабевал никогда, но в Европе XVIII в. такого хищнического абсолютизма в столь явных формах не существовало более нигде. В Англии не было даже профессиональной полиции для защиты частной собственности, и главным образом борьба с местным насилием опиралась на частные механизмы.

Наиболее распространенным комплексом политических мер, посредством которых меркантилизм содействовал рентоориентированной деятельности (обычно они рассматриваются как взаимозаменяемые), был протекционизм. Предполагалось, что перераспределение прежде всего направлено от иностранцев к гражданам данной страны, но вместе с тем протекционистские меры, конечно, перераспределяли ресурсы от одних сограждан к другим. Политика меркантилизма была эпицентром отрицательной институциональной обратной связи, которая сокращала коммерческую прибыль от Объединенных провинций, и это помогает объяснить, почему Нидерланды не стали тем регионом, в котором брала начало Промышленная революция. В течение десятилетий, последовавших за 1660 г., защитные меры и дискриминационная политика других европейских экономик потихоньку подтачивали германское первенство [12, ch. 10; 68].

В таком случае, возможно, главный риск, которому подвергался рост по Смиту и который исходил от государства, заключался даже не в угрозе правам собственности как таковым, а в опасности, которой подвергались прибыли от международной торговли в результате политических и военных мер (из-за блокад, действий армий и каперов). К 1760-м гг. первые умы Просвещения и их приверженцы – все словно принадлежали одной большой деревне, «сообществу литераторов», и национальность для них мало что значила [10]. Дополнением к их растущему космополитизму служил растущий миротвор-

²⁵ *Opus classicus* этих произведений см. в работах Норта и Уэйнгеста [61]. Критику представлений Норта и Уэйнгеста об институциональных изменениях, порожденных «славной революцией», см. в работах Эпштейна [18], О'Брайена [63], Сассмана и Яфеха [89].

ческий настрой²⁶. Потребовавшие много затрат войны между европейскими державами, состоявшиеся между 1793 и 1815 гг., являются поэтому в известном смысле иронически, поскольку они стали непосредственным результатом инспирированной Просвещением революции, так же как и антилиберальная реакция в Великобритании после 1795 г. Вслед за 1815 г., однако, мир в пределах Великобритании означал, что по крайней мере на большей части европейской территории хищнические войны вроде тех, что разразились при Людовике XIV и Фридрихе Великом, исчезли из списка потенциальных угроз.

Проблема Европы при старом режиме заключалась не просто в ненадежности и неопределенности прав собственности, а в самой природе этих прав. Государственная монополия, существование откупа, или закон, запрещающий мануфактурное производство, или импорт конкурирующего продукта, или экспорт комплементарных благ, возможно, могли рассматриваться как право собственности, будучи при этом во многих случаях почти абсолютно надежны; однако же они *снижали* эффективность²⁷. Связь между влиянием распределительных коалиций вместе с интересами крупного капитала и централизованным государством, мощь которого неуклонно росла, довольно туманна. Эпштейн [18, р. 36] утверждает, что расцвет современного нового государства повышал эффективность: на его взгляд, главная институциональная помеха экономическому росту в государствах старого режима происходила от управленческих провалов, вызванных отсутствием единой верховной власти в экономической и политической сферах. Поскольку в пределах границ этих государств отсутствовала монополия власти, различные организации извлекали доход из «юридически закрепленных прав, которые ограничивали рост по Смиуту». Этот вывод можно оспорить: погоня за рентой могла возникнуть и возникала при самодержавном едином правительстве, точно так же как и при раздробленной власти, что, согласно Эпштейну, угрожало росту по Смиуту. Действительно, некоторые ученые утверждали прямо противоположное: сильное абсолютистское государство идеально располагало к рентоориентированной деятельности, не требовавшей больших издержек, в то время как правительства, подобные британскому, в котором власть поделена на два лагеря (королевская против парламентской), конкурировавшие за обеспечение ограничительного законодательства, в конечном счете стали свидетелями расцвета «свободной экономики» как побочного продукта этой конкуренции²⁸. Парламент и местные власти могли проявлять такую же расточительность, раздавая и узаконивая различные исключительные права и льготы, но после 1750 г. резко отказались от этого. Это не означает, что погоня за рентой и то, что Хилтон Рут назвал «коррупцией в системе распределения государственных должностей», в Великобритании отсутствовали, за исключением того факта, что становилось все более затратным подкупить парламент с целью перераспределения дохода и регулирования доступа.

²⁶ Наилучший пример – знаменитый отрывок из «Философского словаря» Вольтера [93], где он кажется непривычно эмоциональным, описывая смерть людей на поле битвы, их неопишемые мучения при виде того, как в последние минуты жизни их родной город исчезает с лица земли на фоне плача женщин и детей, погибающих среди руин. Два года спустя Французская Академия объявила конкурс на лучшее эссе, которое бы «объясняло преимущества мирной жизни и призывало народы объединиться для того, чтобы обеспечить всеобщую гармонию» [29, р. 1412–1413]. В основном протесты против войны были направлены на ее моральные последствия, в то время как экономические издержки занимали второстепенное место, но в произведении Дэвида Юма «О коммерции» (1754) представлен блестящий анализ социальных последствий не только войны, но и «весьма воинственного настроения людей» и общеравновесного влияния войны на стимулы и выбор профессии.

²⁷ Адам Смит [86, р. 11] обратил внимание на то, что «не только право собственности, но и всякое исключительное право является реальным правом», хотя не приходится сомневаться в том, что многие из этих реальных прав вызывали у него опасения. Скама [83, р. 69] отмечает, что перед революцией коррумпированные учреждения, аккумулировавшие ту или иную форму ренты, рассматривались лишь как еще один вид частной собственности, и никто не мог представить их экспроприацию без соответствующей компенсации.

²⁸ К примеру, Огилви [66], Эжелунд и Толлисон [15, р. 51–52, 66] утверждают, что борьба между парламентом и королем в XVII в. не была противостоянием между теми, кто поддерживает свободные рынки, и теми, кто выступает в пользу монополий и привилегий; борьба велась за право приобрести статус монополии, порождавшей ренту.

Такой вид погони за рентой наблюдался на протяжении XVIII в. и временами имел успех. Адама Смита можно обвинить лишь в небольшом преувеличении: когда он восклицал, что британские производители шерсти были наиболее успешным среди всех рабочих классов по части убеждения законодательных органов в том, что процветание народа зависит от развития и успеха их частного бизнеса [87, vol. II, p. 165].

В действительности, старый режим в Европе служил перераспределению дохода и богатства разными путями и посредством различных каналов. Минимальное внимание к проблеме рентоориентированного поведения могло, возможно, сгладить многие искажения в этой системе. Одна из проблем, которая привлекла внимание историков, – перераспределение, вызванное регулированием цен на зерно. Многие европейские правительства были убеждены в том, что зерно представляет собой нечто отличное от других предметов потребления, и неявно признавали, что население в целом имело право на то, чтобы цены на зерно оставались стабильными, а хлеб – дешевым: настроения, усиленные, несомненно, хлебными бунтами, которые были распространенным явлением в Европе. Рут [76, p. 85] отмечает, что регулирующие нормы «моральной экономики» служили интересам одних за счет других и попутно налагали на экономику бремя «мертвого груза». Участниками продовольственных бунтов были большей частью горожане, и объединиться они могли гораздо легче, чем те, кто расплачивался за эти инциденты. Логический конфликт, созданный этой ситуацией, для мыслителей эпохи Просвещения не имел простого решения. Бедность для философов была совершенно недопустима, но прямое вмешательство в рыночный механизм все в большей степени признавалось пагубным. Адам Смит и физиократы могли сойтись во мнении относительно освобождения от регулирования сферы торговли зерном, и их влияние превалировало в экономическом Просвещении по обе стороны канала [70]. В Великобритании, несмотря на продовольственные бунты, регулирование рынка зерна во второй половине XVII в. стало непопулярным [69], и перераспределение все чаще стало осуществляться посредством помощи извне. Во Франции во второй половине XVIII в. этот институт также находился под давлением [43; 70, p. 2–5]. Усиление рыночной интеграции рассматривалось как лучший механизм стабилизации цен, чем государственное регулирование [70, p. 131–155]. Но было здесь и кое-что большее: признавая, что бедность представляет собой в основном экономическую и политическую, а не моральную проблему, и осознавая, что, увеличивая благосостояние народа посредством свободной международной и внутренней торговли, бедность в конечном счете можно было снизить, мысль XVIII в. помогала прокладывать дорогу классическому либерализму, который стал залогом выгод от Промышленной революции [59].

Идеи Просвещения имели несомненное воздействие на политику, даже, возможно, сверх самых смелых мечтаний философов. Опять же идеи, обрисованные Адамом Смитом в Книге V, гл. 1, относительно обязанностей государства, отражают мысль французского и шотландского Просвещения. Поразительно то, что эти идеи оказывали реальное влияние. Воздействие мыслителей эпохи Просвещения на государственную политику XVIII в. можно проследить на примере институциональных реформ, связанных с так называемыми «просвещенными деспотами»²⁹. Классическим центром влияния просвещенческой мысли на институциональные изменения была Франция. Хотя инспирированные Просвещением

²⁹ Один из примеров – австриец Йозеф фон Зонненфельс (1732–1817), первый профессор политической экономики в Венском университете, оказавший влияние на государственную политику при Марии Терезе (урезавший власть гильдий и реформировавший судебное устройство). «Как публицист, Зонненфельс знал, как мобилизовать общественное мнение для того, чтобы оно действовало подобно рычагу, оказывающему давление на правительство» ([95, p. 135]; см. также [94]). Другим австрийским реформатором XVIII в. был Карл фон Зинзендорф, попавший под влияние радикалов в Милане и физиократов в Париже [70, p. 144]. В Милане Верховный экономический совет, который в 1765 г. постановил провести реформу экономической и социальной политики, включал таких тяжеловесов эпохи Просвещения, как Чезаре Беккариа и братья Алессандро и Пьетро Вери. Хотя успех этих дореволюционных реформаторов эпохи Просвещения был переменным, поскольку они зависели от взаимодействия могущественных правительств, их можно считать предтечами более фундаментальных реформ, проведенных революционными властями после 1790 г.

реформы Тюрго провалились, последователи Квеснэ по проблеме власти (известные как *экономисты*) оказали довольно сильное влияние при реформировании сферы торговли зерном во Франции в 1760-х гг.³⁰ После 1789 г., конечно, реформы стали нормой. Революционное собрание во Франции упразднило феодальные привилегии, гильдии, освобождения от уплаты налогов и все другие «свободы», которые только можно представить. Такая радикальная реформа была бы невероятна во время смерти Людовика XIV в 1715 г., и все еще фактически выглядела абсурдной в период смещения Тюрго в 1776-м³¹.

Некоторые из наиболее широко развернувшихся «рациональных» реформ в Великобритании XVIII в., такие как обособление парламента и учреждение паевых фондов, явно были нацелены на улучшение показателей экономической деятельности. Излюбленным проектом рационализаторов эпохи Просвещения, например Кондорсе, была стандартизация, в особенности таблицы мер и весов, которая явилась преддверием стандартизированной системы в англосаксонском мире и метрической системы повсюду в мире. Еще один пример – единый рациональный свод законов о торговле, обобщающих идеи *laissez faire*. В Великобритании многие старые правила были ослаблены или попросту отменены парламентом в начале XIX в., включая Устав подмастерьев и ремесленников (в 1814 г.) и Bubble Act (в 1825 г.). Политические институты Великобритании были гибкими и эластичными, так что они могли быть изменены с низкими социальными издержками органом, назначенным осуществлять изменение правил и законов, регулирующих экономическую игру. Вслед за Нормом [60, р. 80] мы могли бы назвать это адаптивной эффективностью, имея в виду не только адаптацию распределения ресурсов, но и самих институтов. Для этого требовалось наличие метаинститута, подобного парламенту, уполномоченного изменять правила посредством согласования, – еще одна парадигматическая идея Просвещения.

Просвещение и свободная торговля

Другой сферой, в которой удалось добиться успеха в эпоху Просвещения, была либерализация торговли и устранение как внутренних, так и внешних пошлин и тарифных барьеров. Внешняя торговля всегда была осью меркантилистической мысли и частично результатом вводящей в заблуждение навязчивой идеи торгового баланса, частично – рентоориентированного поведения. Законы, которые впервые были приняты в 1670 г. и поправки к которым были внесены в 1815-м, стали венцом успеха преследующих ренту землевладельцев. В XVIII и еще долго на протяжении XIX в. англосаксонский либерализм одновременно отстаивал свободу внутренней торговли и постоянный протекционизм во внешней торговле. На более поздних стадиях Просвещения, вдохновленных и воодушевленных постсмитовской политической экономией, либерализм распространился и на внешнюю торговлю, но его триумф несколько запоздал, и после 1815 г. значительная часть континента в гораздо большей степени демонстрировала приверженность к свободной международной торговле, чем англоязычные территории [62].

Дискуссионным является вопрос, были ли теория и идеология свободной торговли полностью следствием Просвещения, и даже в большей степени – приводили ли идеи

³⁰ Пьер Дюпон де Неморз, убежденный физиократ, непоколебимо уверенный в ограниченной роли государства, проводил активную государственную политику во Франции до тех пор, до серых дней старого режима и неутомимо работал над тем, чтобы установить свободу торговли. Он участвовал в открытии свободного порта в Байонне и активно способствовал заключению Еденского соглашения между Францией и Великобританией в 1786 г. Вдобавок он служил советником Маргрейва в Бадене, а также управляющим образования Польши. Он проявлял активность на ранних этапах Революции (это он предложил знаменитую «присягу на теннисном корте»). В своей работе «Источники прогресса новой науки» он определенно рассматривал политику *laissez faire* как средство достижения свободы работы, свободы цивилизации и свободы обмена и торговли [27, р. 265].

³¹ Даже в то время победа свободных рынков над привилегиями и ограничениями была далека от завершения. Многие из знаменитых наказов третьего сословия депутатам Генеральных штатов (протесты, написанные накануне Французской революции) содержали положения, ограничивающие рентоориентированную деятельность, точно так же как и жалобы на регулятивные меры.

Просвещения неизбежно к поддержке свободной торговли³². Не следует опрострачиво отождествлять Смита с шотландским Просвещением и еще меньше – со всем движением³³. Просвещение отстаивало «цивилизованный консорциум наций» [36, р. 195], и во всех ее формах осуждало торговую политику любого рода, мотивирующуюся тем, что Юм называл «торговой ревностью». Конечно, авторы эпохи Просвещения никогда не проявляли единодушия в вопросах торговой политики [41]³⁴. И все же движение к свободной торговле, последовавшее за битвой под Ватерлоо, было бы немислимо без той политической экономики, которая формировалась шотландским Просвещением.

Истоки этого движения, конечно, зародились еще до XIX в. Уильям Гренвилль, кузен Уильяма Питта младшего и министр иностранных дел государства, находился под сильным воздействием учения Смита и выступал против регулирования цен на муку, указывая на то, что это приведет к дефициту³⁵. Он неоднократно наставлял премьер-министра по поводу преимуществ свободной торговли и имел сильное влияние на молодых виггов – членов парламента, таких как Фрэнсис Хорнер, Генри Брук Парнелл и Давид Рикардо, оказавших решающее влияние на движение реформаторов 1830-х гг.³⁶

Наиболее влиятельной фигурой в правительстве «либеральных тори» в середине 1820-х гг. был Уильям Хаскиссон, получивший наибольшую известность среди экономистов. Он принял серию тарифных снижений и способствовал реформированию Навигационных актов (хотя формально их не упразднили до 1851 г.)³⁷, а кроме того, стал, очевидно, первым человеком, погибшим под колесами поезда – в день открытия железной дороги Манчестер – Ливерпуль. В Пруссии среди личностей, находившихся под сильным влиянием учения Смита, можно выделить Питера Бёта, местного управляющего в Вестфалии, впоследствии главу министерства торговли и промышленности, который считается отцом прусской промышленности. Убежденный последователь Смита, Бёт был одной из главных фигур в процессе трансформации Пруссии из общества, в котором преобладала погоня за рентой, в общество, ориентированное на конкуренцию; к тому же он, наряду с прочими, руководил разнообразными академиями и колледжами, функциони-

³² Киндлбергер [47, р. 23] отмечает, что первый случай, когда практика последовала теории, имеет отношение к Великому Герцогу Франсису Тосканскому, который разрешил свободный экспорт сиенского зерна, после того как прочел в 1737 г. «Экономический дискурс» Саллусто Бандини.

³³ Давид Юм, не будучи, конечно, меркантилистом, имел на этот счет две точки зрения и отмечал, что «налог на германский лен стимулирует производство на дому и, таким образом, умножает наш народ и развивает нашу промышленность» [39, р. 98].

³⁴ Так, к примеру, Александр Вандермонд, знаменитый математик и ученый, к концу жизни заинтересовавшийся экономикой и изучивший ее в недавно основанной Нормальной Школе, знавший собственное «Богатство народов» вдоль и поперек, так ни разу и не переметнулся на сторону свободной торговли и отстаивал протекционистские доктрины современника Смита Джеймса Стюарта [23, р. 513].

³⁵ Уильям Питт, как известно, сам восхищался Смитом. Росс [79, р. xxv] отмечает, что положения «Богатства народов» «оказали плодотворное воздействие на этого выдающегося британского деятеля эпохи». Существует история, возможно неправдоподобная, о том, как Питт во время визита в Лондон сказал Смиуту: «Сэр, мы будем стоять до тех пор, пока Вы не сядете первым, поскольку все мы – Ваши ученики» [80, р. 375–376].

³⁶ Ученик Смита, Дугалд Стюарт, родоначальник «вигерства» XIX столетия, был чрезвычайно успешным и красноречивым учителем в Эдинбурге. Именно лекции Стюарта сделали «Богатство народов» источником всей экономической теории. Стюарт «фактически превратил книгу в Священное писание для поколений обучавшихся в Эдинбурге мыслителей, экономистов и политических деятелей, которые, в свою очередь, распространили эти идеи в Оксфорде, Кембридже, Лондоне и остальной части англоязычного мира» ([32, р. 229–230]; см. также [81]). Среди учеников Стюарта – два будущих премьер-министра, Палмерстон и Джон Рассел, а также другие высокопоставленные чиновники.

³⁷ Интерес Хаскиссона к политической экономике – в частности, Смиуту и Рикардо – стал частью всей его политической карьеры. Его программа была направлена на устранение какой бы то ни было государственной поддержки и защиты производства и сельского хозяйства с целью ослабить и устранить частные интересы, угрожавшие свободной торговле [36, р. 199]. Хаскиссон «старательно и последовательно придерживался теорий Адама Смита. Учение Смита нашло отражение практически в каждой из реформ двадцатых годов» [6, р. 133].

ровавшими в поддержку промышленности. Другими представителями Пруссии его образа были Теодор фон Шеен, советник Штайна в Восточной Пруссии (обучавшийся у лучшего из последователей Смита в Кенигсберге, Кристиана Якоба Крауса), и Людвиг фон Винке, губернатор Вестфалии, добросовестно читавший «Богатство народов», главу в день, и упоминавший об Адаме Смите как о «божественном Смите» [5, р. 187; 46, р. 190; 84, р. 501]. Сам Штайн, конечно, был во всех отношениях дитя Просвещения, и его преемник, Харденберг, рассматривал свободную рыночную систему товаров и труда как инструмент максимизации экономической эффективности и обновления общественного духа³⁸. И все же влияние Просвещения служило не столь сильным стимулом реформ, как обеспечение французской военной мощью после поражения 1806 г. и необходимостью реформирования Прусского государства в случае, если страна хотела сохранить свои позиции великой державы. Просвещение в Пруссии в большей степени, чем в Великобритании, содержало в себе зачатки самого печального своего последствия – национализма, а ее государственная экономика, несомненно, представляла собой в некотором роде невежественную интерпретацию учения Смита, что и привело к идеям *национальной полтэкономии*, которые в конечном счете уничтожили свободную торговлю.

Что обычно норовят упустить из виду, так это то, что мысль эпохи Просвещения всегда, даже в период неоднозначного отношения к свободной торговле, ревностно защищала свободную *внутреннюю* торговлю: пункт о регулировании торговли конституции США, так же как и французские реформы 1791 г. (отменившие внутренние тарифы) и начавшееся после 1815 г. движение за Германский таможенный союз, отразили эти настроения³⁹. Либерализация внутренней торговли Швеции произошла в конце 1770-х гг. [70, р. 139]. Была ликвидирована система пошлин и налогов на величественной речной системе Германии, которая препятствовала торговле в XVIII в. Вполне вероятно, что львиную долю торговой прибыли обеспечивала скорее внутренняя, чем внешняя торговля.

Успех, который имели мыслители эпохи Просвещения в плане влияния на законодательство и политику, не должен нас удивлять: они говорили наиболее динамичному и обеспеченному сегменту общества то, что тот хотел услышать. Триумф философов, должно быть, объясняется их способностью действовать против статус-кво «изнутри». Многие из выдающихся философов и политэкономов XVIII столетия происходили из знати и обладали хорошими политическими связями. Даже когда они конфликтовали с режимом, это редко перерастало во враждебность. Такие «удобные неформальные отношения с врагом», как назвал их Гэй [20, р. 24], имели свои издержки, но позволяли философам быть политически эффективными без непереносимой угрозы статус-кво. Во Франции эти связи в конечном счете выродились (правда, в скором времени были восстановлены), но в других странах люди, которые голосовали за политические решения, получили возможность перенять эти идеи. Более того, как я уже утверждал в другой своей работе [52], успех Просвещения в Европе частично был обязан раздробленности политической власти, которая помогла мятежникам и инакомыслящим противопоставить одну силу другой.

Несомненно, факторы интеллектуальной природы не являлись экзогенными по отношению к системе. Киндлбергер [46, р. 35] цитирует утверждение Милля, что благое дело редко одерживает победу, если только в этом не замешан чей-либо интерес, но при этом добавляет, что в случае с Великобританией это был скорее взгляд на мир как общество с космополитическими интересами, которые воспринимались на уровне нацио-

³⁸ Харденберг даже в большей степени, чем Штайн, был убежден в том, что «конкуренция – величайший стимул и регулирующая сила нашей промышленности» (цит. по: [48, р. 178]). Его Общее налоговое законодательство 1810 г. имело целью сократить такие формы рентоориентированного поведения, как освобождение от уплаты налогов и гильдии, установить подоходный налог, которым в равной мере (пропорционально доходу) облагались бы все прусские резиденты, и ввести свободу выбора профессии, что означало, что любой плательщик торгового налога мог осуществлять любую торговлю.

³⁹ Таможенный союз предварил Прусско-Маасский тарифный закон 1818 г., который отменил все внутренние тарифы в Пруссии и на который повлиял меморандум Г.Дж.С. Кунта, наставника Боута.

нальных. Подобные либеральные взгляды, воодушевляемые Просвещением, в скором времени стали противоречить национальным интересам. Интеллектуальная победа политэкономов, которые «сокрушили тори, не сумев их переубедить», является, по Киндлбергеру, наиболее непротиворечивым и убедительным объяснением подъема свободной торговли в первой половине XIX в. На самом деле проблема не в том, чтобы осознать, что «чьи-то интересы» были усилены экономической рационализацией, а в том, как и почему эти интересы сломили сопротивление тех, чьи интересы не были усилены. Идеологические изменения затронули прежде всего *систему убеждений*, и, соответственно, значимость философов и оказывавшееся ими влияние на политиков – неотъемлемая часть истории⁴⁰.

Технологии и институты в эпоху Промышленной революции

Различие, проведенное мною между влиянием Просвещения на технологию и влиянием его же на институты, является, конечно, произвольным, и мы должны считаться с их частичным совпадением. Как уже отмечалось, рентоориентированное поведение может мешать инновациям посредством перевода таланта в другое русло⁴¹. Правильно формировать стимулы для инноваторов – целиком во власти общества и его институтов. В данной сфере Просвещение также открыло новую страницу и помогло провести различие между Западом и большей частью мира, которая оказалась за бортом этого течения.

Единственным работающим механизмом при этом была степень, которой измерялось желание и возможность общества вознаграждать изобретателей. Права на интеллектуальную собственность в сфере полезного знания являлись главным предметом борьбы в обществе XVIII в. [34]. С одной стороны, просвещенческое мышление все в большей степени выражало негативное отношение к поддерживаемым государством монополиям, очень хорошо осознавая, что у них часто проявлялась склонность к рентоориентированному поведению. С другой стороны, некоторые авторы Просвещения считали патенты одним из наиболее эффективных способов поощрения изобретений и направления таланта в такое русло, где бы он приносил наибольшую пользу обществу и где рынки, а не властные структуры определяли ценность изобретения⁴². Расширяющееся использование патентов как средства вознаграждения и поощрения изобретений представляло собой, таким образом, типичное явление эпохи Просвещения, пусть даже истоки этого института предшествуют Просвещению. Однако среди философов наблюдались глубокие разногласия по

⁴⁰ Персон [70, р. 139], поддерживающий функционалистское объяснение либерализации в сфере торговли зерном в Европе эпохи Просвещения, тем не менее отмечает, что при проведении либерализации торговли зерном в Швеции интеллектуальное влияние Франции (физиократов) очевидно.

⁴¹ Выбор Лавуазье в качестве примера рентоориентированной личности (по Шлейферу и Вишни [70, р. 55]) отчасти ироничен. Лавуазье скорее был откупщиком, чем сборщиком налогов, и его поведение как таковое являлось, несомненно, рентоориентированным, поскольку деятельность откупщика была весьма прибыльным занятием. И все же Лавуазье был выдающимся государственным служащим, не говоря уже о его научных достижениях. По сути, он не выбирал, становиться ли ему сборщиком налогов, полагают исследователи, а скорее присоединился к этой деятельности, по традиции того времени. Имеется недостаточно фактов, чтобы утверждать, что его политическая деятельность негативно влияла на его научные исследования – в отличие от его выдающегося ученика Арманда Сегуина, который кончил тем, что прервал карьеру ученого, чтобы обогатиться, продавая обувь для французской армии.

⁴² В знаменитом высказывании Адам Смит [86, р. 83] заметил, что «создатель новой машины или любого другого изобретения обладает исключительным правом продвижения и продажи этого изобретения на протяжении 14 лет... в качестве награды за свое мастерство... Так что если бы законодательная власть назначала денежное вознаграждение изобретателям новых машин и т.д., его размер едва мог на постоянной основе по достоинству оценить изобретение».

этому вопросу⁴³. Для эпохи Просвещения было характерно представление о том, что полезное знание должно быть доступным: система патентования, защищающая использование новой техники как права на интеллектуальную собственность, снижала стимулы сохранять в секрете технологическое знание и сделала технические подробности всеобщим достоянием. В Великобритании это было реализовано в решении главного судьи лорда Мэнсфилда, который в 1778 г. постановил, что технические спецификации должны быть достаточно точны и детально разработаны, так чтобы быть полностью понятными технически образованному человеку⁴⁴.

Другой важной сферой, в которой технологические инновации и институциональные изменения налагались друг на друга, являлось противодействие крупного промышленного капитала новым технологиям [53, 54]. Историки, изучающие технологическое развитие, за несколькими существенными исключениями, уделяли недостаточное внимание политической экономии технологических изменений. На протяжении большей части зарегистрированной истории крупные промышленные интересы объединялись для того, чтобы помешать прогрессу, потому что он представлял явную угрозу ценности их человеческого и физического капитала⁴⁵. Сопротивление имело два различных источника. Один из них – рациональное эгоистичное поведение влиятельных лобби, отстаивавших свое имущество, положение в обществе и политическую поддержку. Другой исходил от тех, кто был искренне обеспокоен неизученными эффектами новых технологий и нерасположенностью к неизбежному риску, который так или иначе несли с собой радикально новые технологии. Как уже отмечалось, экономисты-историки в течение долгого времени указывали, что городская система гильдий, корни которой – в столетиях, предшествовавших XVIII в., являлась существенным тормозом инноваций⁴⁶. Мыслители эпохи Просвещения с неодобрением относились к рентоориентированным лобби, таким как гильдии ремесленников, которые представляли крупные промышленные интересы, увековечивая технологическое статус-кво и налагая ограничения на экономическую свободу.

На определенном уровне, таким образом, большинство мыслителей эпохи Просвещения рассматривали технологические изменения как прогресс и осознавали нежелатель-

⁴³ Британское общество искусств, основанное в 1754 г., представляло собой классический пример организации, воплощавшей многие идеи промышленного Просвещения. Его целью было «содействовать предпринимательству, развивать науку, облагораживать искусство, совершенствовать производство и расширять торговлю». Деятельность общества включала активную программу вознаграждения и поощрения успешных изобретателей: в период между 1754 и 1784 гг. было присуждено свыше 6200 премий [37, 98]. Общество придерживалось мнения, что права, получаемые благодаря патенту, являются монополией и что нельзя ограничивать чей-либо доступ к полезному знанию. Соответственно, из списка претендентов на премию исключались (вплоть до 1845 г.) все те, кто получил патент; в обществе даже обыгрывалась идея введения требования к каждому лауреату в виде обещания никогда не получать патента [34, р. 197].

⁴⁴ В Нидерландах, где патентование существовало с 1580-х гг., от практики спецификации отказались в середине 1630-х, но в 1770-х она была возобновлена [11, р. 267]. В Соединенных Штатах Томсон [90] перечислил различные способы распространения знаний о патентах, а также содержащихся в них знаний (включая перечни и описание новых патентов Научного американского института и Института имени Франклина). «Через их посредничество частное знание становилось общедоступным», – пишет Томсон [90, р. 11], между тем отмечая, что только некоторые избранные могут эффективно использовать такое общедоступное знание. Возможно, однако, что на этом вопрос исчерпывается. Создание новой техники – в противоположность широко применяемой – ограничивается очень незначительным меньшинством общества, и чтобы понять, почему оно имело место, нам нужно рассмотреть перспективы и потенциальные возможности этого меньшинства, а не многочисленного среднего класса.

⁴⁵ Один студент, изучающий историю технологии (Сирил С. Смит, цит. по: [96, р. 27]), вздыхает, что «каждое изобретение появляется в неподходящем обществе, имеет несколько друзей и много врагов, и только самым стойким и самым удачливым удается выжить».

⁴⁶ Хекшер заметил, что конфликты возникали повсюду между теми, кто «пытался поддерживать нечто новое», и недоверчивыми коллегами профессионалов, обычно полагавшимися на судебные иски и административное вмешательство. Хотя исход этой борьбы не обязательно был predetermined в пользу закрепившихся крупных промышленных интересов, «использовалась любая возможность для того, чтобы сделать невозможным внедрение инноваций без утомительных и затратных конфликтов... обычно система наказывала за инновации» [31, vol. I, p. 171].

ность общественного сопротивления ему. Было, однако, еще одно течение, связанное с Руссо и представителями позднего романтизма, такими как Коббет и Карлиль, рассматривавшее индустриализацию в лучшем случае как опасность, в худшем – как зло и разрушительную силу⁴⁷. Идеологическое сопротивление технологическим изменениям коренится глубоко в человеческой психике. Большинство философов не поддерживало этот курс, хотя они также сознавали, что технологические изменения часто были разрушительны и могли привести к социальной напряженности. Борьба между инноваторами и теми, кто сопротивлялся нововведениям, в период Промышленной революции достигла темпа громкого крещендо, когда старые порядки в шерстяной промышленности в 1809 г. были отменены, вслед за чем в 1814 г. был ликвидирован 250-летний Устав ремесленников. Восстание луддитов – сложное переплетение событий, охватившее множество конфликтов, не все из которых имели отношение к инновациям, – было жестоко подавлено. Спор между старыми правилами и привилегиями и просвещенческими силами *laissez faire* совпал со спором между силами, противодействовавшими инновациям и благоприятствовавшими им⁴⁸. Сумели ли английские предприниматели воспользоваться историческим преимуществом, или же страх перед народным восстанием был лишь предлогом для принятия программы, благоприятствовавшей крупным промышленным интересам, – выходит, что рентоориентированная деятельность, которая стала источником сопротивления новой технологии, к тому времени оказалась загнанной в угол. Еще много лет назад Поль Мантуа задался вопросом: «Было ли сопротивление инстинктивным или хорошо продуманным, мирным или с применением насилия, – оно однозначно не имело шанса на успех» [49, р. 408]. Не будь его, и устойчивый прогресс мог бы резко затормозиться и, возможно, прекратился бы вовсе⁴⁹.

Расширение международной торговли и постепенная подготовка британской экономики к международной конкуренции в XVIII в. укрепили силы, благоприятствовавшие инновациям, и, таким образом, обе эти тенденции взаимно усиливали друг друга⁵⁰.

⁴⁷ Питер Гэй [20, р. 25] указывает на то, что прочие философы воспринимали Руссо как безумца еще задолго до того, как клинические симптомы его болезни начали проявляться.

⁴⁸ Так, Горн [35] рассуждает, что Объединенные Акты и другие законы 1790-х гг., ограничивавшие личную свободу, были направлены не только на охрану режима от поднятых во Франции революционных беспорядков, но и на защиту Промышленной революции от противодействия снизу.

⁴⁹ Как показал Рэнделл, на Западе Англии новое оборудование было встречено неистовыми толпами, сопротивлявшимися прялкам «дженни», летательным аппаратам, шпичечным ворсовальным приборам и пишущим машинкам [73, 74]. Более того, в этих сферах должностные лица опасались или были убеждены пропагандой в правоте разрушителей машин. Традиция применения силы на Западе Англии, пишет Рэнделл, удерживала в узде всех, кроме самых стойких инноваторов. Сопротивление рабочих имело результатом замедление роста и скорее депрессию в промышленности, а не подъем [74]. В результате Запад Англии уступил свои лидирующие позиции в шерстяной промышленности Йоркширу. Горн [35], несомненно, доказал, что разрушительные волны, охватившие Францию в первые годы революции, затормозили механизацию, а сопротивление внедрению британских машин только укрепило лидерство британских производителей над французскими. В 1830 г. французский изобретатель Бартоломей Тимоннье сконструировал рабочую швейную машину с применением системы тамбурной строчки, получив в результате комбинацию швейной и вышивальной машины. Тимоннье столкнулся с жестоким сопротивлением со стороны портных. Его парижская фабрика по производству армейской форменной одежды, оборудованная новыми машинами, дважды подвергалась налетам в течение 1840-х гг., в результате чего машины были разрушены. Подобно многим другим французским изобретателям, он умер бедным ожесточенным человеком.

⁵⁰ Решение, принятое мировыми судьями в 1779 г. в Престоне, полностью резюмирует позицию британских властей: «Установлено, что единственной причиной громких бунтов явилось внедрение в хлопчатобумажную промышленность новых машин; что страна, несмотря ни на что, извлекла значительную выгоду из их применения; что уничтожение их в этой стране только открыло бы дорогу для перемещения их в другую страну и что если законодательная власть наложит полный запрет на их использование в Великобритании, это лишь ускорит их внедрение в зарубежных странах, в ущерб британской торговле» (цит. по: [49, р. 403]).

Заключение

Преобразования, имевшие место в Европе и ослабившие отрицательную институциональную обратную связь в эпоху Просвещения, носили неизменно медленный, беспорядочный и спорный характер. Если бы переломный период после 1750 г. не был отмечен институциональным прогрессом, то какие бы выгоды ни были получены благодаря возросшей эффективности, усовершенствованной торговле или улучшенной технологии, – все они, возможно, оказались бы присвоены сборщиками налогов, монополистами, юристами или иностранными захватчиками, угрожавшими экономическому росту. В таком контрафактном сценарии кажется вполне вероятным, что первая волна изобретений, которая у нас обычно ассоциируется со знаменитой «волной приспособлений» Эштона, просто выдохлась бы, как это уже имело место в прошлом. Институциональным изменениям требовалось зацепиться за интеллектуальные основы и убеждения, что, вероятно, играло роль не менее важную, чем достаточное условие. Что явилось отличительной чертой Промышленной революции по сравнению с предыдущими технологическими или торговыми всплесками, так это то, что она последовала за Просвещением.

Легко преувеличить степень новизны институтов, возникших в XVIII в. Гриф [26, сн. XIII, р. 17–18] указывает на преемственность между поздним средневековьем и возникновением современных институтов конца XVIII в. Европа позднего средневековья, утверждает он, пережила формы индивидуализма, изобретенное людьми формальное право, корпоратизм, самоуправление и правила, определяемые в ходе институционализированного процесса, который делал возможным их внедрение. Однако эти элементы не инициировали современный рост. В период между средними веками и современным ростом, отмечает Гриф, для абсолютизма и меркантилизма настал перерыв.

Идеологическими изменениями история не ограничивается. Одно лишь стремление к усовершенствованиям и даже «правильному» типу институтов не порождает *устойчивого* роста, если общество не будет постоянно производить новое полезное знание. Рост знания происходит потому, что в каждом обществе есть творческие, изобретательные люди, мотивируемые некоторой комбинацией жадности, честолюбия, любознательности и альтруизма. Все четыре названных мотива, которые, по-видимому, можно было встретить среди людей, содействовавших Промышленной революции, часто сочетались в одной личности. Однако для того, чтобы претворить индивидуальные склонности в реальные данные, а затем перейти к экономическому росту, требовалось наличие соответствующих стимулов и социального взаимодействия. Величие европейского Просвещения состояло в том, что оно породило такую среду.

В этих переменах не было ничего неизбежного или самоочевидного. Ничего подобного не наблюдалось в Китае, несмотря на сложность его торгово-экономической системы и довольно заметный процесс роста в китайской экономике XVIII в. Точно так же ничего похожего не происходило в Турции, Японии или Южной Америке. Некоторые европейские народы, например испанцы и русские, были по тем или иным причинам столь незначительно затронуты этими изменениями, что их институты – вопреки нескольким искренним попыткам реформирования – значительно затормозили темп экономической модернизации⁵¹. Какой бы дальнейший экономический рост ни наблюдался в экономи-

⁵¹ Случай Испании наиболее поучителен. Не приходится сомневаться, что здесь имело место испанское Просвещение, кульминацией которого стало опубликованное в 1774 г. «Сочинение о развитии народной промышленности» Педро Родригеса де Кампоманеса, которое сравнивали с «Богатством народов» такие авторитеты, как Шумпетер [84, р. 173]. В молодые годы Кампоманес пытался составить длинный перечень экономических реформ эпохи Просвещения, проведенных при короле-реформаторе Карлосе III. Однако влияние Просвещения на Испанию оставалось поверхностным. Многие ведущие книги Просвещения, включая «Энциклопедию», оставались под запретом, и хотя их подпольное распространение расцветало пышным цветом, испанское Просвещение вступило в противоречие с глубоко укоренившимися интересами, которые в конечном счете одержали победу [88]. По оценкам Герра [33, р. 198–200], менее 1% испанского населения приветствовало Просвещение, что в десять раз меньше, чем во Франции.

как этих стран, в последующем его стимулировал предшествующий экономический успех на Западе. В то время, конечно, даже на Западе никакой предопределенности в этом не видели. В 1784 г. Кант выразился, что «эпоха Просвещения», в которую он жил, еще не являлась «просвещенной эпохой». Питер Гэй оценивает это высказывание о таком расхождении как важное и пронизательное, поскольку даже к концу XVIII в. философы имели достаточно причин ощущать неопределенность и временами уныние [20, р. 20]. Конечно, в то время перспектива эпохи относительно свободной рыночной экономики и сокращение рентоориентированной деятельности на континенте все еще казались чем угодно, но только не неизбежностью.

Возможно ли размышлять о причинах промышленного Просвещения? Объяснение тому, почему Просвещение само по себе имело место именно там и именно в то самое время, – пугающая задача, которая полностью выходит за пределы представлений экономистов-историков о сравнительных преимуществах. Просвещение, почти так же, как и эпохи Возрождения и Реформации, предшествовавшие ему, было основано на базе скептицизма и отклонения. Оно сводилось к неоднократным проверкам и окончательному отвержению глубоко укоренившихся традиционных представлений и убеждений. При изучении природного мира это было равносильно новому подходу, смысл которого выразил девиз Королевского общества «Nullius in verba» («Ничего не принимать на слово»): непринятие авторитетов и требование эмпирической верифицируемости. В сфере же экономической организации общества это привело к тому, что был брошен вызов таким древним институтам, как ненарушаемость прав и свобод. Вызов был брошен интересам крупного капитала и исключительным правам, царившим веками, старым обычаям и местным монополиям, господству беспорядочной таблицы мер и весов, праву облагать пошлинами и налогами на товары и вовлеченным в это людям, традиционному праву налагать вето на передел земли, на освобождение от налогообложения и божественным правам королей. Вопрос даже не в том, почему подобные идеи возникали – они имели место в любом обществе, которое страдало от хронической неэффективности, – а в том, почему они *имели успех*. Наиболее благоприятствовала такая обстановка, где политическая раздробленность устанавливала пределы сопротивления и подавления новых идей, выдвигаемых реакционными коалициями в защиту статус-кво.

Также необходимо пояснить, что становление свободного рыночного капитализма, территориальное расширение торговли и интеллектуальные изменения, которые у нас ассоциируются с эпохой Просвещения, неявным образом взаимно усиливали друг друга. В действительности, часто встречается точка зрения, согласно которой торговый капитализм вызвал Промышленную революцию, явившуюся его неизбежной кульминацией. Такой подход, однако, не принимает в расчет уязвимости концепции процветания, основанной на росте по Смиту, и его чувствительности к меркантилистической и другой базирующейся на рентоориентированной деятельности политике, которая при определенных обстоятельствах вполне могла задушить экономический прогресс, порожденный торговой экспансией [24]⁵².

Не все в Просвещении имело одинаковую значимость для последующего экономического развития. Конечно, не приходится и говорить о том, что движение затронуло

⁵² Как отмечает в своей грандиозной работе на тему Просвещения Питер Гэй [21, р. 347], присущая философам страсть к соответствию правилам хорошего тона и прозорливость в политической экономике сыграли свою роль в низвержении меркантилизма, но в изоляции Просвещение не могло завершить начатое дело: расширение торговли и рост производительности обусловили развитие концепции динамичной мировой экономики. Однако ему не удалось дать удовлетворительное объяснение, насколько «расширение торговли и рост производительности» сами были следствием эконо- новской идеологии знания и промышленного Просвещения. В этом смысле технологическая составляющая промышленного Просвещения отсылает нас к политической экономике, как и политическая составляющая, поощрявшая и поддерживавшая инновации. Это тот тип положительной обратной связи, на котором держится устойчивый экономический рост.

только незначительную часть народов Запада. Но, вероятно, этого хватило. Главным образом экономический рост был вызван относительно небольшой группой инвесторов, предпринимателей, конструкторов и их коллегами в области политической, административной, юридической и социальной мысли. Можно перефразировать часто цитируемое наблюдение Кейнса, что практики, убежденные в том, что они не подвержены интеллектуальным веяниям, обычно и являлись рабами некоей несуществующей философии Просвещения. Кейнс был «уверен, что роль власти интересов крупного капитала чрезвычайно преувеличена по сравнению с постепенным вторжением идей... рано или поздно именно идеи, а не интересы крупного капитала решили всё» [45, р. 383–384]. Как уже неоднократно отмечалось, личное влияние Кейнса на экономическую политику в период после 1945 г. иллюстрирует это утверждение. То же самое справедливо для возникновения современного экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.* The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. № 5 (Dec.).
2. *Baker K.M.* Enlightenment and Revolution in France: Old Problems, Renewed Approaches // *The Journal of Modern History*. 1981. Vol. 53. № 2. (June).
3. *Baumol W.J.* *Entrepreneurship, Management, and the Structure of Payoffs*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1993.
4. *Baumol W.J.* *The Free-Market Innovation Machine: Analyzing the Growth Miracle of Capitalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002.
5. *Behrens C.B.* *A Society, Government, and the Enlightenment: The Experiences of Eighteenth-Century France and Prussia*. German Democratic Republic: Thames and Hudson, 1985.
6. *Brady A.* *William Huskisson and liberal reform: an essay on the changes in economic policy in the twenties of the nineteenth century*. L.: Oxford University Press, 1967.
7. *Carlos A., Nicholas S.* Agency Problems in Early Chartered Companies: The Case of the Hudson's Bay Company // *Journal of Economic History*. 1990. 50(4).
8. *Carlos A., Stephen N.* Theory and History: Seventeenth-Century Joint-Stock Chartered Trading Companies // *Journal of Economic History*. 1996. 56(4).
9. *Cipolla C.* *The Economic Decline of Italy* // B. Pullan, ed. *Crisis and Change in the Venetian Economy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. L.: Methuen, 1968.
10. *Darnton R.* *The Unity of Europe* // *George Washington's False Teeth*. N.Y.: W.W. Norton, 2003.
11. *Davids K.* Patents and Patentees in the Dutch Republic between c. 1580 and 1720 // *History and Technology*. 2000. № 16.
12. *De Vries J., van der Woude A.M.* *The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
13. *Deyon P., Guignet P.* The Royal Manufactures and Economic and Technological Progress in France before the Industrial Revolution // *Journal of European Economic History*. 1980. Vol. 9. № 3 (Winter).
14. *Ekelund R.B.Jr., Tollison R.D.* A Rent-Seeking Theory of French Mercantilism // J. Buchanan and R.D. Tollison, eds. *The Theory of Public Choice*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984.
15. *Ekelund R.B.Jr., Tollison R.D.* *Mercantilism as a Rent-Seeking Society*. College Station: Texas A&M University Press, 1981.
16. *Ekelund R.B.Jr., Tollison R.D.* *Politicized Economies: Monarchy, Monopoly, and Mercantilism*. College Station: Texas A&M University Press, 1997.
17. *Epstein S.R.* Craft Guilds, Apprenticeships, and Technological Change in Pre-industrial Europe // *Journal of Economic History*. 1998. Vol. 58. № 3 (Sept.).
18. *Epstein S.R.* *Freedom and Growth: The Rise of States and Markets in Europe, 1300–1750*. L.: Routledge, 2000.
19. *Ferguson A.* *An Essay on the History of Civil Society*. Dublin: Boulter Grierra, 1767.
20. *Gay P.* *The Enlightenment: an Interpretation. The Rise of Modern Paganism*. N.Y.: W.W. Norton, 1966.
21. *Gay P.* *The Enlightenment: an Interpretation. The Science of Freedom*. N.Y.: W.W. Norton, 1969.
22. *Gillispie C.C.* *Science and Polity in France at the End of the Old Regime*. Princeton: Princeton University Press, 1980.
23. *Gillispie C.C.* *Science and Polity in France: The Revolutionary and Napoleonic Years*. Princeton: Princeton University Press, 2004.
24. *Goldstone J.A.* Efflorescences and Economic growth in World History: Rethinking the «Rise of the West» and the Industrial Revolution // *Journal of World History*. 2002. Vol. 13. № 2.

25. *Greif A.* Cultural Beliefs and the Organization of Society: A Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // *The Journal of Political Economy*. 1994. Vol. 102. № 5 (Oct.).
26. *Greif A.* Institutions: Theory and History. Cambridge: Cambridge University Press, forthcoming. 2003.
27. *Groenewegen P.* Eighteenth century Economics: Turgot, Beccaria and Smith and their Contemporaries. L.: Routledge, 2002.
28. *Groenewegen P.*, ed. The Economics of A.R.J. Turgot. The Hague: Martinus Nijhoff, 1977.
29. *Guicciardi J.-P.* War and Peace // M. Delon, ed. Encyclopedia of the Enlightenment. Vol. 2. Chicago: Fitzroy Dearborn, 2001.
30. *Harris R.* Industrializing English Law: Entrepreneurship and Business Organization, 1720–1844. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
31. *Heckscher E.F.* Mercantilism (2 Vols.) Translated by Mendel Shapiro. L.: George Allen and Unwin, 1955.
32. *Herman A.* How the Scots Invented the Modern World. N.Y.: Crown, 2001.
33. *Herr R.* The Eighteenth-Century Revolution in Spain. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1958.
34. *Hilaire-Pérez L.* L'invention technique au siècle des lumières. P.: Albin Michel, 2000.
35. *Horn J.* Machine Breaking in England and France during the Age of Revolution. 2003, unpub. ms., Manhattan College.
36. *Howe A.* Restoring Free Trade: the British Experience 1776–1873 // D. Winch and P. O'Brien, eds. The Political Economy of British Historical Experience, 1688–1914. Oxford: Oxford University Press, 2002.
37. *Hudson D., Luckhurst K.W.* The Royal Society of Arts, 1754–1954. L.: John Murray, 1954.
38. *Hughes J.* The Vital Few; American Economic Progress and its Protagonists. 2nd ed. N.Y.: Oxford University Press, 1986.
39. *Hume D.* Of the Rise and Progress of the Arts and Sciences (1742) // D. Hume. Essays: Moral, Political and Literary / Ed. by E.F. Miller. Indianapolis: Liberty Fund. [1742] 1985.
40. *Hutchinson T.* Before Adam Smith: The Emergence of Political Economy, 1662–1776. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
41. *Irwin D.A.* Against the Tide: an Intellectual History of Free Trade. Princeton: Princeton University Press, 1996.
42. *Jeremy D.* Transatlantic Industrial Revolution: The Diffusion of Textile Technologies Between Britain and America, 1790–1830s. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1981.
43. *Kaplan S.L.* Bread, Politics and Political Economy in the Reign of Louis XV. The Hague: Martinus Nijhoff, 1976.
44. *Kellenbenz H.* Technology in the Age of the Scientific Revolution, 1500–1700 // C. Cipolla, ed. The Fontana Economic History of Europe. L.: Fontana, 1974. Vol. 2.
45. *Keynes J.M.* The General Theory of, Employment, Interest, and Money. N.Y.: Harcourt, Brace, 1936.
46. *Kindleberger C.P.* Economic Response: Comparative Studies in Trade, Finance, and Growth. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975.
47. *Kindleberger C.P.* The Rise of Free Trade in Western Europe, 1820–1875 // *The Journal of Economic History*. 1975. Vol. 35. № 1 (March).
48. *Koch H.W.* A History of Prussia. L.: Longman Group Limited, 1978.
49. *Mantoux P.* The Industrial Revolution in the Eighteenth Century. N.Y.: Harper Torchbooks, 1961. Rev. ed., orig. pub. 1905, first English translation 1928.
50. *Mokyr J.* Editor's Introduction: The New Economic history and the Industrial Revolution // J. Mokyr, ed. The British Industrial Revolution: An Economic Perspective. Boulder: Westview Press, 1998.
51. *Mokyr J.* King Kong and Cold Fusion: Counterfactual analysis and the History of Technology // Ph. Tetlock, N. Lebow, and G. Parker, eds. Counterfactual Analysis in History and the Social Sciences. forthcoming.
52. *Mokyr J.* Long-term Economic Growth and the History of Technology / Prepared for the Handbook of Economic Growth; Ed. by Ph. Aghion and S. Durlauf. Amsterdam: North Holland, forthcoming. 2005.
53. *Mokyr J.* Progress and Inertia in Technological Change // J. James and M. Thomas, eds. Capitalism in Context: Essays in Honor of R.M. Hartwell. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
54. *Mokyr J.* The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton: Princeton University Press, 2002.
55. *Mokyr J.* The Intellectual Origins of Modern Economic growth // *Journal of Economic History*. 2005. Vol. 65. № 2 (June). P. 285–351 (presidential address).
56. *Mokyr J.* The Second Industrial Revolution, 1870–1914 // V. Castronovo, ed. Storia dell'economia Mondiale. Rome: Laterza, 1999.
57. *Mokyr J.* Why is Rent Seeking so Costly to Growth // *American Economic Review*. Papers and Proceedings. 1993. Vol. 83. № 2 (May).

58. *Murphy K.M., Shleifer A., Vishny R.W.* The Allocation of Talent: Implications for Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1991. Vol. 106. № 2 (May).
59. *Norberg K.* Poverty // A.Ch. Kors, ed. *Encyclopedia of the Enlightenment*. Vol. 3. N.Y.: Oxford University Press, 2003.
60. *North D.C.* Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
61. *North D.C., Weingast B.* Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth Century England // *Journal of Economic History*. 1989. Vol. 49. № 4 (Dec.). P. 803–832.
62. *Nye J.V.* The myth of free trade Britain and fortress France: tariffs and trade in the nineteenth century // *The Journal of Economic History*. 1991. Vol. 51. № 1 (March).
63. *O'Brien P.K.* Fiscal Exceptionalism: Great Britain and its European Rivals from Civil War to Triumph at Trafalgar and Waterloo // D. Winch and P. O'Brien, eds. *The Political Economy of British Historical Experience, 1688–1914*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
64. *O'Brien P.K., Griffiths T., Hunt P.* Political Components of the Industrial Revolution: Parliament and the English Cotton Textile Industry, 1660–1774 // *Economic History Review*. 1991. Vol. 44. № 3 (Aug.). P. 395–423.
65. *Ogilvie S.* Guilds, Efficiency, and Social Capital: Evidence from German proto-industry // *Economic History Review*. Vol. 57. № 2. 2004.
66. *Ogilvie S.* The German State: a non-Prussian View // J. Brewer and E. Hellmuth, eds. *Rethinking Leviathan: the Eighteenth century State in Britain and Germany*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
67. *Olson M.* The Rise and Decline of Nations. New Haven: Yale University, 1982.
68. *Ormrod D.* The Rise of Commercial Empires: England and the Netherlands in the Age of Mercantilism, 1650–1770. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
69. *Outhwaite R.B.* Dearth and Government Intervention in English Grain Markets, 1590–1700 // *Economic History Review*. 1981. Vol. 34. № 3 (Aug.).
70. *Persson G.* Grain Markets in Europe, 1500–1900: Integration and Deregulation. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
71. *Petty W.* A Treatise of Taxes and Contributions. L.: Obadiah Blagrove, 1679.
72. *Pirenne H.* Economic and Social History of Medieval Europe. N.Y.: Harcourt Brace & World, 1936.
73. *Randall A.J.* The Philosophy of Luddism: The Case of the West of England Workers, ca. 1790–1809 // *Technology and Culture*. 1986. Vol. 27. № 1 (Jan.).
74. *Randall A.J.* Work, Culture and Resistance to Machinery in the West of England Woollen Industry // P. Hudson, ed. *Regions and Industries: A Perspective on the Industrial Revolution in Britain*, Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
75. *Roche D.* France in the Enlightenment. Harvard: Harvard University Press, 1998.
76. *Root H.* The Fountain of Privilege: Political Foundations of Markets in Old Regime France and England. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1994.
77. *Rosenberg N.* Some Institutional Aspects of the Wealth of Nations // *Journal of Political Economy*. Vol. 68. № 6 (Dec.). 1960.
78. *Rosenthal J.-L.* The Fruits of Revolution: Property Rights, Litigation, and French Agriculture, 1700–1860. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
79. *Ross I.S.* On the Wealth of Nations: Contemporary Responses to Adam Smith. Bristol: Thoemmes Press, 1998.
80. *Ross I.S.* The Life of Adam Smith. Oxford: Clarendon Press, 1995.
81. *Rothschild E.* Economic Sentiments: Adam Smith, Condorcet, and the Enlightenment. Cambridge: Harvard University Press, 2001.
82. *Rubin P.H.* Darwinian Politics: The Evolutionary Origin of Freedom. New Brunswick: Rutgers University Press, 2002.
83. *Schama S.* Citizens: a Chronicle of the French Revolution. N.Y.: Knopf, 1989.
84. *Schumpeter J.* History of Economic Analysis. N.Y.: Oxford University Press, 1954.
85. *Shleifer A., Vishny R.* The grabbing hand: government pathologies and their cures. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.
86. *Smith A.* Lectures on Jurisprudence / Ed. by R. Meek, D.D. Raphael, and P.G. Stein. Oxford: Clarendon Press. [1762–63] 1978.
87. *Smith A.* The Wealth of Nations / Ed. by E. Cannan. Chicago: University of Chicago Press. [1776] 1976.
88. *Storrs C.* Spain // A.Ch. Kors, ed. *Encyclopedia of the Enlightenment*. Vol. 4. N.Y.: Oxford University Press, 2003.

89. *Sussman N., Yafeh Y.* Constitutions, Commitment, and the Historical Evidence on the Relation between Institutions, Property Rights and Financial Development. Working paper. Hebrew University of Jerusalem, 2002.
90. *Thomson R.* Mediating the Public and the Private: The Patent System, Technological Learning, and Invention in the Antebellum U.S. Presented at the 2002 Economic history Association Meetings, St. Louis. 2002.
91. *Uglow J.* Lunar Men: Five Friends whose Curiosity changed the World. N.Y.: Farrar Straus and Giroux, 2002.
92. *Ville S., Jones S.R.H.* Efficient Transactors or Rent-Seeking Monopolists? The Rationale for Early Chartered Trading Companies // *Journal of Economic History*. 1996. 56(4).
93. *Voltaire.* Philosophical Dictionary / Ed. by P. Gay. N.Y.: Basic Books. [1766] 1962.
94. *Wangermann E.* Austria // A.Ch. Kors, ed. *Encyclopedia of the Enlightenment*. Vol. 1. N.Y.: Oxford University Press, 2003.
95. *Wangermann E.* Reform Catholicism and Political Radicalism in the Austrian Enlightenment // R. Porter and M. Teich, eds. *The Enlightenment in National Context*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
96. *White K.D.* Greek and Roman Technology. Ithaca: Cornell University Press, 1984.
97. *Wong R.B.* China Transformed: Historical Change and the Limits of European Experience. Ithaca: Cornell University Press, 1997.
98. *Wood H.T.* A History of the Royal Society of Arts. L.: John Murray, 1913.
99. *Wright R.* Nonzero: The Logic of Human Destiny. N.Y.: Vintage Books, 2000.